

СВАДЕБНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ПРИНЦЕСС У ВЕНАНЦИЯ ФОРТУНАТА И ГРИГОРИЯ ТУРСКОГО: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС VS ЛИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Ключевые слова: Меровинги, матримониальная политика, Галсвинта, Ригунта, Хильперик, итинерарий.

АННОТАЦИЯ: В статье исследуется авторская репрезентация двух свадебных путешествий у поэта Венанция Фортуната и епископа Григория Турского. Свадебный путь вестготской принцессы Галсвинты из Толедо в Руан закончился в 568 г. несчастливым браком с нейстрийским королем Хильпериком, по приказу которого она была убита. Путешествие дочери Хильперика из Парижа в Толедо было драматически прервано в 584 г., когда свадебный караван с приданым и сокровищами был разграблен, а принцесса Ригунта подверглась унижению и аресту. Для сравнительного анализа текстов двух итинерариев был выбран ракурс сопоставления политического контекста событий с личным отношением Венанция Фортуната и Григория Турского, которые были свидетелями свадебных путешествий принцесс. Результаты анализа показали, что итальянский поэт в траурной элегии «О Галсвинте» выразил эмпатию к горю матери, сострадав трагической судьбе вестготской принцессы в Нейстрии. По моему мнению, турский епископ проявил личное расположение к принцессе Ригунте, но сделал это косвенно, когда перечислял все скандальные подробности ее свадебного путешествия. Согласно моей гипотезе, Венанций Фортунат зашифровал указания на пять франкских городов из супружеского приданого (*dos*) и *morgengabe* Галсвинты (которые стали возможной причиной ее убийства) и умолчал об истинном маршруте свадебного каравана через аквитанские города Хильперика. В выводах статьи отмечается, что политической целью авторской стратегии Григория Турского было скрыть собственное участие в матримониальной истории Ригунты.

Для цитирования: Сазонова А. А. Свадебные путешествия принцесс у Венанция Фортуната и Григория Турского: политический дискурс vs личные отношения // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 31. Москва: ИВИ РАН, 2023. С. 6–43. DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-6-43

A.A.Sazonova

independent researcher
ORCID ID 0000-0002-2026-9424
an13barb@yandex.ru

WEDDING TRAVELS OF THE PRINCESSES AT VENANTIUS FORTUNATUS AND GREGORY OF TOURS: POLITICAL DISCOURSE VS PERSONAL RELATIONS

Keywords: Merovingians, marital policy, Galswinth, Rigunth, king Chilperic, itinerary.

Abstract: The article examines the author's representation for two wedding travels of the poet Venantius Fortunatus and Bishop Gregory of Tours (HF. IV, 28). In 568, the wedding journey of the Visigothic princess Galswinth from Toledo to Rouen ended in an ill-fated marriage with the Neustrian king Chilperic, on whose orders she was killed. The travel of Chilperic's daughter from Paris to Toledo was dramatically interrupted in 584, when the wedding caravan with its dowry and treasure was plundered, and princess Rigunth was humiliated and arrested. For a comparative analysis of two itineraries the aspect of opposition was chosen between the political context of events and the personal relationship of Venantius Fortunatus and Gregory of Tours, who witnessed the princesses' trips. The results of the analysis showed that the Italian poet in the mourning elegy "De Gelesuintha" expressed his empathy for his mother's grief and compassion for the tragic end of the Visigoth fiancée in Neustria. In my opinion, the Bishop of Tours showed personal affection for Rigunth, but did so in a latent form when he listed all the scandalous details of her wedding journey. According to my hypothesis, Venantius Fortunatus encrypted indications of five Frankish cities from Galswinth's marital dowry and morgengabe (which became a possible reason for her murder) and kept silent about the true route of the wedding caravan through the Aquitanian cities of Chilperic. The conclusions of the article note that the political goal of the author's strategy of Gregory of Tours was to hide his own participation in the matrimonial history of Rigunth.

To cite this article: Sazonova, Anna. "Wedding travels of the princesses at Venantius Fortunatus and Gregory of Tours: political discourse vs personal relations". In *Adam & Eve. Gender History Review*. № 31, 6–43. Moscow: IGH RAS, 2023. (in Russian). DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-6-43

Received: October 17, 2023

Accepted: October 25, 2023

Франкские источники в исторических нарративах политической направленности сохранили как развернутые описания свадебных путешествий раннесредневековых принцесс (бургундки Хродехильды, вестготки Галсвинты и нейстрийской принцессы Ригунты), так и краткие упоминания об эпизодах брачной миграции представительниц меровингской династии (сестра Хлодвига) и о прибытии во франкские земли чужеземных королевских дочерей (начиная с матери Хлодвига). Григорий Турский в сжатой форме написал о приезде невесты Хлодвига Хродехильды и в подробностях рассказал о свадебном позоре принцессы Ригунты. Венанций Фортунат запечатлел в стихотворных строках свадебное путешествие готской принцессы Галсвинты и в прозе — жизненный путь королевы Радегунды во всех его географических перипетиях. Основной задачей данного исследования является сравнительный анализ двух аутентичных нарративов — поэтической элегии Фортуната “*De Gelesuintha*” и брачных историй Галсвинты и Ригунты из “*Decem Libri Historiarum*” турского епископа. Анализ политического контекста изучаемых событий дополняется исследовательскими реконструкциями по значимым умолчаниям в повествованиях, которые объясняются неоднозначным отношением авторов к драматическим развязкам историй.

В современной историографии вызывает большой интерес тема матримониальных стратегий элит, в основном эти исследовательские работы связаны с гендерной проблематикой, но в специальных исследованиях изучается и вопрос брачной миграции, в рамках которого обращают внимание на свадебные путешествия. Французская исследовательница средневековой истории семьи и брака Э. Сантинелли-Фольц рассматривает феномен матримониальных перемещений-путешествий в пространстве и времени от сложной

организации мероприятия до социокультурных последствий брачных переходов из одного рода в другой. Она обращает внимание на эмоциональную динамику исторических персонажей (волнения во время подготовки к свадебному отъезду, расставания и переживания, чувство разлуки, перенос жизненного опыта и интеграция в новых условиях), героями свадебного путешествия становится не только невеста с ее придворным окружением, но и более широкий круг сопровождающих лиц, которые навсегда переезжают в другие места. Для исторических свидетельств по мерovingскому периоду отмечается политическая значимость перемены в религиозном вероисповедании и роль женского приданого во властных отношениях доминирования¹.

Венанция Фортуната (530/40–ок.600) по праву называют последним большим поэтом поздней античности, все его литературное творчество было пронизано темой путешествия, через которую он выстраивает *поэтическое Я* и наполняет свои итинерариумы в стихах и прозе личными чувствами и мотивами. Особое место в его сочинениях занимает объемная элегия «О Галсвинте» (*De Gelesuintha*)², в которой сплелись воедино искусное владение литературным ремеслом и новаторское переосмысление классических традиций, автобиографические вкрапления и дипломатическая гибкость в освещении политической подоплеки. Первое знакомство италийского поэта с австразийским королем Сигибертом произошло весной 566 г. в Меце на торжествах по случаю королевского бракосочетания с принцессой Брунхильдой, где Фортунат зачитал квазиимперский эпиграммой в честь королевских

1 **Santinelli-Foltz.** 2019: 249–266.

2 **Фортунат.** 2009: 113–125 (**Fortunat.** Carm. VI. 5. О Гелесвинте — пер. Р. Шмаракова).

молодоженов. Второй поэтический заказ от венценосной четы через несколько лет (ок. 569) был сделан по трагическому поводу, требовалась литературная репрезентация безутешного горя по смерти вестготской принцессы Галсвинты, недавно выданной за короля Хильперика³. Безусловно, поэту дали необходимую творческую свободу для художественного выражения, но все смысловые интенции и событийные детали нарратива были заданы жесткими рамками политического заказа⁴.

- 3 Григорий Турский не объясняет, почему Атанагильд сначала устроил брак для младшей дочери Брунхильды (566) и лишь позже за нейстрийского правителя отдал Галсвину (568). Вестготский король, не имея сыновей-наследников, мог не выдавать старшую дочь, рассчитывая сделать внука своим преемником, как Хильперик позже попытается заменить Ригунту Базиной, а прежде Теодорих Великий назначил остготским королем несовершеннолетнего сына Амаласунты (этот вариант см.: **Dumézil**. 2008: 76). Но возможен и вариант, что изначально старшую дочь собирались выдать за Хильперика, старшего брата Сигиберта. Еще до свадьбы Брунхильды Хильперик мог планировать женитьбу на дочери Атанагильда, для чего ему требовался развод с королевой Аудоверой (был в итоге оформлен ок. 565 г.), по достойной причине и без публичного скандала. После авантюрного демарша нейстрийского меровинга (**HF**. IV, 22–23) его активной внешней и внутренней политике мешали «урезанный» размер королевства и отсутствие средств. Хильперик для борьбы за равную долю отцовского наследства были необходимы сокровища, их можно было получить в браке с богатой невестой.
- 4 Война за наследство между сыновьями Хлотаря началась сразу после его смерти (561), Хильперик проиграл трем сводным братьям. После смерти старшего брата Хариберта (567) он смог расширить северный патримоний и получить города в Аквитании и на вестготской границе. Женитьба нейстрийского короля на Галсвинте свидетельствовала о возрождении его амбиций. Смерть Атанагильда осенью 568 г. развязала политические обязательства меровинга перед союзником и привела к убийству вестготской супруги. Гунтрамн и Сигиберт решили использовать смерть Галсвинты как повод для передела владений нейстрийского правителя, что привело к новому витку гражданской войны и к захватам австразийскими войсками южных и северных городов Хильперика, но в итоге закончилось убийством Сигиберта (575). Об истории вестготского брака Хильперика и о правовой коллизии после убийства Галсвинты, когда король мог формально очиститься от подозрений клятвой в церкви, но сводные братья приняли судебное решение о его виновности и потребовали передать приданое и утренный дар Галсвинты, полученные от Хильперика, ее сестре Брунхильде, австразийской королеве Сигиберта, см.: **Саконова**. 2023: 200–208.

Фортунат выбирает для горестного плача жанр траурной элегии, развертывая свое утешение для разлученной навсегда с дочерью матери сначала через описание путешествия Галсвинты из Толедо в Руан и лишь затем переходя к роковой трагедии и скорбному отклику на нее сестры Брунхильды.

Григорий Турский в «Истории франков» изложил драматическую историю Галсвинты в политически отточенной форме, называя виновником убийства молодой супруги самого короля Хильперика⁵. В строках его нарратива сквозит неприкрытая ирония, когда он пишет о зависти нейстрийского короля к браку сводного брата с готской принцессой и о большой любви Хильперика к большому вестготскому приданому своей невесты (*magno amore — magnos thesauros*). В тексте Анделотского договора (турский прелат участвовал в переговорах по его подписанию от австразийской стороны) приводится ценная фактография по материальной стороне заключения брака Галсвинты (HF. IX, 20). Там перечисляются пять городов Хильперика, которые он передавал вестготской невесте в качестве супружеского приданого и утреннего дара⁶. Церковный

5 HF. IV, 28: И так как Галсвинта постоянно жаловалась королю на то, что терпит обиды, и говорила, что, живя с ним, не пользуется никаким почетом, она попросила его, чтобы ей разрешили вернуться свободной на родину, а сокровища, привезенные с собой, она оставит ему (*ut, relictis thesauris quos secum detulerat, libera redire permetteretur ad patriam*). Король ловко притворился и успокоил ее ласковыми словами. В конце концов он приказал слуге удушить ее и как-то нашел ее мертвой в постели (*Ad extremum enim suggillari iussit a puero, mortuamque repperit in strato*) — здесь и далее пер. В.Д. Савуковой. Анонимный автор “*Liber historiae Francorum*” полагал, что король собственноручно совершил преступление (LHF. 31): “*Post haec per consilium pessimum Fredegundis eam per noctem in strato suo strangulavit*” («После чего по наиковарнейшему совету Фредегонды ночью ее на ложе своем удавил» — пер. мой). Следующей королевой, убитой по приказу своего меровингского супруга, станет в 610 году Билихильда, королева Теодеберта (внука Брунхильды) см.: **Fredegar**. Chron. IV, 37.

6 В свадебных историях Брунхильды, Галсвинты и Ригунты автор “*Decem Libri Historiarum*” не использует юридической терминологии (как в тексте

историк на страницах своего труда сохранил для потомков память о последующих событиях (HF. IV, 28), когда после похорон Галсвинты король женился на Фредегонде, а сводные братья Хильперика заклеямили его как инициатора убийства готской королевы и даже приняли решение об его изгнании. Но вся эта версия событий из «Истории франков» была, как можно предполагать, записана турецким епископом через много лет и в официально принятом при австразийском дворе варианте.

Венанций Фортунат вскоре после случившегося сочиняет горестное послание к матери Галсвинты, которая вторым браком вышла замуж за нового вестготского правителя, от лица ее дочери Брунхильды и меровингского зятя. Поэт не упоминает о Хильперике и об обстоятельствах убийства, но развернуто использует в качестве литературного подтекста «Похищение Прозерпины» Клавдиана⁷, обвиняя этим Хильперика-Плутона в низведении молодой жены в Царство

Анделотского договора, где *dos* — это приданое полученное невестой от жениха, а *morgengabe* — утренний дар), а прибегает к описательным конструкциям (HF. IV, 27: *cum multis muneribus Brunichildem; cum magnis thesauris*: HF. IV, 28: *cum magnis opibus; secum magnos thesauros; relictis thesauris quos secum detulerat*; HF. VI, 45: *de thesauris eius in aliquo filiam muneraret; magnus ei thesaurus dedit*). Поэтому представляется неправомерным использовать более поздние понятия, такие как, например, «вдова доля». В исторических реалиях того времени, о чем и повествует Григорий Турский, в брачных договоренностях для официальных королей речь идет о приданом невесты, которое она получает от своего отца (и посланцы жениха лично осматривают и предварительно договариваются о его размере), о супружеском приданом, которое невеста получает от жениха, и об утреннем даре супруга своей новобрачной. Две последние выплаты также являются предметом матримониальных переговоров, очевидно, их размер и ценность коррелируются с привозимым личным «сокровищем» принцессы. В правовом отношении, как можно предполагать, эти выплаты и дары (в денежной, вещевой и земельно-усадебной форме) наследовались юридически по-разному.

- 7 Автор так и называет свой подзаголовок “Le «rapt» de Galesvinthe”, сравнительный анализ позднеантичной поэмы и траурной элегии см.: **Gioanni**. 2012: 937–944.

мертвых, в ее переходе от жизни к смерти, в ее похищении из Мира живых. Предчувствие непоправимой трагедии сквозит уже в начальных строках о заключении брачного союза:

С той поры, как призванна была в край Арктов морозных
К царскому царственная Гелесуинта одру,
Хлад да полюбится ей, купидоновым огнем пронзенной,
В льдяных чтоб ей рубежах с пылкостью жизнь проводить⁸.

Географическое описание франкского маршрута дано сжато (vv. 209–236), а вся первая часть элегии эмоционально изливается горем матери Гойсвинты и дочери-невесты на этапе вестготской половины пути. Поэт демонстрирует не только искусство художественного ремесла в передаче душевных терзаний героинь при расставании и их созвучному отклику в окружающей природе, но проявляет несомненную личную эмпатию к материнскому горю и тревогам страдальцы отправленной в невозвратное путешествие. Исследователи находят в этом отсылки к авторской драме изгнания самого Фортуната и его разлуке с собственной матерью и родней в Италии⁹. На реальной географии для пути свадебного каравана реперно выделяются переправы через галльские реки — Од, Рону, Вьенну, Луару и Сену, которые отсылают к этапным переходам через пять подземных рек Аида¹⁰. А предвзвешивает переход к франкской половине путешествия величественная картина движения обоза невесты с эскортом через замерзшие вершины Пиренеев:

8 **Фортунат**. 2009: 114. **Fortunat**. Carm. VI. 5, 23–26: Cum primum algentes jungi peteretur ad arctos // Regia regali Gelesuinta toro, // Fixa cupidineis cuperet huc frigora flammis // Viveret et gelida sub regione calens.

9 **Roberts**. 2017: 309–310.

10 М. Робертс в своем анализе элегии расценивает каталог речных описаний как идеализированный образ галльского процветания см.: **Roberts**. 2017: 306–307.

Меж облаками верхи одолела она пиренейски:
Там, где в инеистых стынет потоках июль,
Где, серебрясь в снегах, убегают к созвездиям горы
И превыше дождей острый восходит хребет¹¹.

Фортунат датирует это событие июлем месяцем и проводит скрытую автобиографическую параллель со своим путешествием этим же маршрутом, обращаясь к собственному опыту и переживаниям¹². Затем он переходит к таинственному этапу пути через вестготский Нарбонн (своеобразную точку невозврата), художественное описание которого не имеет связи с реальной географией, что становится главной загадкой в интерпретации свадебного путешествия невесты Хильперика автором траурной элегии.

Для направляющейся в Руан Галсвинты сакральным центром франкских земель становятся Пуатье и Тур, вотчины святых Илария и Мартина, а также место расположения в Пуатье монастыря королевы-монахини Радегунды и место встречи Венанцием свадебного вестготского кортежа летом 568 года. Именно в строках о личной встрече поэта с королевской невестой он, наконец, дает описание удивительной кареты-колесницы Галсвинты¹³ в виде серебряной башни: «Я там, новый пришлец, ее путешествие видел: // Тихо катяся, ее

11 **Фортунат**. 2009: 120. **Fortunat**. Carm. VI. 5, 209–212: *Inde Pyreneas per nubes transilit Alpes // Quaque pruinosis Julius alget aquis, // Qua nive canentes fugiunt ad sidera montes // Atque super pluvias exit acutus apex.*

12 Об авторском юморе в восприятии трудностей дальнего пути и о сопоставлении с собственным опытом см.: **Portbarré-Viard**. 2017: 221, 225.

13 В этих двух строках поэт достигает мини-кульминации, так как общие места и жанровые клише итинерария (путешествие — дорожный маршрут — колесный транспорт — калейдоскоп из страннических впечатлений — воспоминания о родине и оставленных родных) он почти исчерпал и уже упоминал в разных ситуациях о дорожной карете принцессы, но не давал ее характеристики. Таким образом, эффект оттягивания для описания чудесной квадриги позволил ему придать дополнительную весомость автобиографической вставке.

башня серебряна везла» (Carm. VI. 5, 223–224: *Hanc ego nempe novus conspexi praetereuntem // Molliter argenti turre rotante vehi*)¹⁴. Венанций сетует на то, что желанная встреча Радегунды с невестой ее королевского пасынка не состоялась, но бывшая королева обменялась с принцессой посланиями¹⁵. Поэт мог принимать в этом участие, но прямо заявить о своем эпистолярном посредничестве в траурной элегии было бы верхом нескромности. Прибыв в Руан, вестготская невеста обретает королевское достоинство в браке, но подлинным итогом ее путешествия во франкские земли становится принятие христианства по римскому обряду.

Можно говорить о том, что италийский поэт с «трансгенерирующей» для него темой личных странствий¹⁶ задал поэтический эталон для репрезентации женского путешествия в латинской культуре франков, и его литературный образец остался непревзойденным, не получив поэтических подражаний¹⁷. Отчасти уникальность траурной элегии по Галсвинте объясняется неясным политическим целеполаганием при создании. Отосланная как официальное соболезнование, элегия

14 Исследователи уделяют внимание образу *двух башен* (Брунхильда и Галсвинта), в котором видят отсылку к процессиям Кибелы («башненосная»), матери Цереры и бабки похищенной Прозерпины, из поэмы Клавдиана см.: **Gioanni**. 2012: 940.

15 Художественное сопоставление образов Радегунды и Галсвинты см.: **Roberts**. 2017: 308–309.

16 Французский исследователь справедливо называет тему путешествий «трансгенеральной/универсальной» для творчества италийского поэта (“la transgénéricité de la thématique du voyage dans l’oeuvre de Fortunat”) см.: **Portbarré-Viard**. 2017: 225.

17 Эта элегия Венанция стала латинским шедевром, тягаться со столь высоким образцом позднеантичной и раннесредневековой поэзии никто всерьез и не мог подумать, поэтому Григорий Турский (со своими не обнаруженными поэтическими амбициями) поступил иначе, он задумал своеобразную пародию на плач по вестготской невесте в прозе своего исторического сочинения.

содержит развернутое утешение и в качестве катарсиса предлагает для истовой арианки Гойсвинты возрадоваться вечной жизни ее дочери на небесах. Отсутствие в тексте и намек на официальную оценку убийства, по моей гипотезе, связано с тем, что сочинение было написано и отослано в Испанию в узкий промежуток времени, вскоре после убийства, когда Сигиберт пытался мирным путем востребовать с Хильперика компенсацию за гибель сестры своей королевы. Переговоры королей-братьев с Хильпериком не закончились, его еще не заклеямили убийцей и не осудили братским судом, о чем позже написал Григорий Турский. Судя по всему, после смерти бездетной Галсвинты утренний дар и часть приданого, полученного ею от мужа, должна была унаследовать ее мать, вестготская королева. Но отдавать готам пять франкских городов (Бордо, Лимож, Кагор, Беарн и Бигорр) никто из Меровингов не собирался, поэтому король Сигиберт возвышенными словами утешения информировал свою тещу-королеву, что ей не будет по наследственному праву передано приданое умершей дочери. Уравнивая скорбь матери и сестры (в последней трети сочинения), Венанций обосновывает получение только Брунхильдой наследства убитой сестры в качестве «вергельда». По-видимому, брачное дарение Галсвинте пяти городов Хильперика и стало основной причиной ее убийства¹⁸, из-за чего Венанций Фортунат

18 Объяснение причины убийства Галсвинты желанием Хильперика вернуть себе подаренные вестготской принцессе пять городов является общим местом для современной историографии. Проблема заключается лишь в том, что необходимо выдвинуть обоснованную исследовательскую гипотезу, которая проясняла бы все связанные между собой вопросы (по размеру переданного Хильпериком приданого и утреннего дара, об обстоятельствах убийства Галсвинты и о тайных смыслах элегии Фортуната, о политических взаимоотношениях трех королей после 568 г.). Эту задачу пытался решить Б. Дюмезиль, делая интересные, но крайне тенденциозные предположения см.: **Dumézil**. 2008: 159–169. Многие высказывания

«красноречиво» не упомянул эти города в описании свадебного путешествия.

Почему же автор траурной элегии не описал маршрут вестготского каравана по франкским землям как сухопутный итинерарий с каталогом остановок по большим городам, а выбрал перечисление переправ через речные артерии мерovingских королевств? Исследователи объясняют это авторской игрой поэта с художественной отсылкой к пяти рекам Подземного мира (Стикс, Лета, Флегетон, Ахерон, Коцит)¹⁹. К этому можно добавить, что и в других своих сочинениях Фортунат проявлял любовь к описаниям речных путешествий (по

французского историка вызывают удивление, так он относит все пять городов к утреннему дару (хотя Григорий Турский цитирует текст договора) и приписывает свадебному путешествию Галсвинты символическое значение по обретению королевской власти над аквитанскими городами по праву, «делегированному» ей Хильпериком. Изначально Б. Дюмезиль броско заявляет о реальной угрозе для франков потерять подаренные Галсвинте города, а также считает, что после смерти Атанагильда наследовать этот «утренний дар» было некому. Смысл выдвинутой французским историком гипотезы сводится к тому, что пропагандистская элегия Фортуната была заказана королем Сигибертом, чтобы пошатнуть верность нейстрийской знати королю Хильперiku, подавая дезинформационные месседжи о готовящейся войне вестготов за наследство убитой принцессы. Большим преувеличением является и предположение о том, что король Леовигильд (новый супруг Гойсвинты) и Сигиберт, не являясь кровной родней Галсвинте, могли претендовать на выплату им вергельда от Хильперика. Мое объяснение не включает столь бурного фантазирования, я полагаю, что Сигиберт, оставаясь в германском правовом поле, подменил право наследования матерью приданого бездетной дочери на выплату вергельда от заказчика убийства в пользу сестры. При таком раскладе мать-королева уже не была приоритетной фигурой (как в деле о наследовании).

- 19 **Gioanni.** 2012: 941–942. В качестве примера того, насколько разнятся интерпретации исследователей, можно привести вариант с концентрическим объяснением организации поэтического маршрута у Венанция Фортуната, когда к внешнему кругу «периферии» относят Пиренеи, Нарбонн и галльские реки, а во внутренний круг помещают святые города-близнецы Пуатье и Тур см.: **Roberts.** 2017: 307–308.

Луаре, по Мозелю)²⁰. По моему мнению, подмена сухопутного маршрута каравана Галсвинты на водную сетку координат с духовным центром в Пуатье и Туре была обусловлена не столько литературными задачами, сколько политическими целями — через замалчивания и намеки поэтически зашифровать то, о чем Фортунат умолчал: «О несравненная скорбь, что час отлагаешь ты слезный, // Что о злосчастных делах в длительной речи молчишь?» (Carm. VI. 5, 247–248: *O dolor insignis quid differs tempora fletus // Lugubresque vices plura loquendo taces?*)²¹. Следует отметить, что при вестготском дворе, несомненно, были информированы о реальном положении дел²², получив известия *vivo voce* от дипломатов и шпионов. Поэтическая искусность же Венанция в общем замысле сочинения и дипломатическая тонкость в изложении печальных событий позволили италийскому поэту через десятилетие стать обласканным версификатором при дворе Хильперика и Фредегонды.

В моей интерпретации реальный маршрут путешествия Галсвинты политически определялся нейстрийскими

20 О многогранном образе путешествующего поэта см.: **Portbarré-Viard**. 2017: 223–224.

21 **Фортунат**. 2009: 121.

22 Поэтому (в отличие от версии Григория Турского) Венанций Фортунат (**Fortunat**, Carm. VI. 5, 253–272), воссоздавая драматический момент, когда было найдено тело Галсвинты, упоминает прислужниц королевы, которые сразу послали за кормилицей вестготской принцессы, чтобы она приняла на себя печальные обязанности по обнародованию вести о случившейся трагедии. Безусловно, горестная речь вестготской кормилицы отсылает к образу горюющей сестры Дидоны Анны (Брунхильды) из «Энеиды» Вергилия (**Verg.** Aen. IV, 671–704), после чего у читателя всплывает ассоциативная связь с невольным виновником смерти царицы Энеем (Хильпериком). Горе кормилицы Электры из «Похищения Прозерпины» глубоко и искренне, ее рассказ Церере о похищении дочери созвучно драматичен (**Claudian**, Rapt. III, 170–259), но по общему контексту ситуации, на мой взгляд, самоубийство Дидоны и смерть ее сестры ближе к реакции кормилицы Галсвинты на гибель воспитанницы.

дипломатами (а разработан был заранее Хильпериком)²³, которые старались держаться земель и городов, входивших в состав нейстрийского королевства. Поэтому путь из вестготского Нарбонна в Тулузу (которая принадлежала Хильперiku по разделу 561 г.)²⁴ представляется самым очевидным. По итогам раздела 567/8 года (после смерти Хариберта) нейстрийский меровинг получил, наравне со сводными братьями, часть приграничных городов в землях Адур — Бигорр и Беарн, а также три важных города — Бордо (где располагалась кафедра митрополита), Лимож и Ка(г)ор. Григорий Турский перечисляет эти города в тексте Анделотского договора, относя их к супружескому приданому и утреннему дару Галсвинты²⁵, не дифференцируя по правовому статусу²⁶. Такое королевское дарение по условиям матримониальных переговоров было беспрецедентным и политически выглядело авантюрным.

Современники, вестготская сторона (правитель Атангильд) и сами меровингские короли, вне всякого сомнения, должны были понимать, что это декларативный обман и ни

23 В источниках не названы имена дипломатов Хильперика. Но на примерах свадебного путешествия Брунхильды из Толедо в Мец (главой которого был влиятельный Гого, ставший затем официальным опекуном малолетнего Хильдеберта) и матримониального дела принцессы Ригунты (которым от начала и до конца руководил Ансовальд, после убийства Хильперика возглавивший группировку нейстрийской знати, которая правила от лица младенца Хлотаря) можно предполагать, что это были первые советники нейстрийского короля.

24 **Cândido Da Silva**. 2001: 94.

25 **HF**. IX, 20: De civitatibus vero, hoc est Burdegala, Lemovecas, Cadurcus, Benarno et Begorra, quae Galesuinda, germana domnae Brunichilde, tam **in dote** quam **in morganegyba**, hoc est matutinale donum, in Francia veniens certum est adquisisse, quas etiam per iudicium gloriosissimi domni Gunthchramni regis vel Francorum, superstitionibus Chilpericum et Sigyperthum regem...

26 В своих рассуждениях, основываясь на германском правовом материале, о различиях между *приданным* (как цены невесты — brideprice) и *утренним даром* автор полагает, что выплаты по второму были более скромными см.: **Wemple**. 1981: 44–45.

при каких обстоятельствах франкские города не перешли бы под вестготскую власть. Даже при крайнем варианте, когда после смерти Хильперика бездетная Галсвинта попыталась бы востребовать свое супружеское приданое и утренний дар, она не смогла бы получить их в полном объеме, а лишь некоторую часть по согласованию с сыновьями-наследниками нейстрийского короля. Поэтому, по моему мнению, в утренний дар входили Бигорр и Беарн на вестготской границе, доходы с которых наследники Хильперика могли оставить бездетной мачехе на содержание, но аквитанские города Бордо, Лимож и Ка(г)ор из супружеского приданого должны были приносить личный доход королеве Галсвинте лишь при жизни Хильперика²⁷. Показательно, что нейстрийский король не отдал в приданое ни один из городов своего наследственного домена на севере и не передал Тулузу. Имело политическое значение и то, что коммуникативная связность с южногалльскими города была для Хильперика проблематичной, сухопутная отрезанность этих урбанистических анклавов вынуждала его военным путем захватывать и пытаться удерживать Пуатье и Тур.

Дальнейшее движение свадебного каравана, нагруженного ценным и дорогим грузом, под охраной готских и франкских сопровождающих из Тулузы в пограничные Бигорр и

27 Атанагильд отсылал свою старшую дочь к жениху Хильперiku с большим приданым, оно было, очевидно, в денежной форме (золотые и серебряные монеты) и в виде сокровищ (ювелирные украшения и предметы декоративного убранства из драгоценных металлов, дорогие одежды и ткани с вышивкой, парадное и наградное оружие). Нейстрийский супруг должен был обеспечить новобрачной по брачным условиям, по-видимому, **паритетное** супружеское приданое и утренний дар от себя. Сделать это сразу в денежной форме или в виде сокровищ Хильперик не мог по финансовым обстоятельствам, и поэтому он передает на содержание вестготской принцессе будущие доходы от своих городов, откладывая и растягивая требуемые выплаты на годы.

Беарн представляется крайне маловероятным. По моему предположению, на первом этапе франкского путешествия Галсвинта комфортно проехала от Тулузы через Каркассон в Бордо. Затем свадебный караван двинулся в Лимож, а оттуда мог повернуть обратно на юг, чтобы посетить Ка(г)ор. В эти города (если они были переданы вестготской невесте в качестве супружеского приданого) принцесса могла въезжать с королевской пышностью, а будучи их владелицей, участвовать в парадных церемониях принесения городскими властями клятвы верности, что Фортунат скрыл под словами «оружная клятва» (Carm. VI. 5, 241–242: *Utque fidelis ei sit gens armata, per arma // Jurat jure suo...*). Митрополитом Бордо был тогда, по-видимому, доживающий свои последние годы епископ Леонтий, который по статусу приветствовал королевскую невесту. Однако Венанций Фортунат на первом этапе путешествия не только полностью скрыл географические отсылки на аквитанские владения Хильперика (Тулуза–Бордо–Лимож и земли в Адур), но совершил ради этого ловкую подмену при описании речных ориентиров:

Excipit hinc Narbo, qua littora plana remordens,
Mitis Atax Rhodanas molliter intrat aquas.
Post aliquas urbes Pictavas attigit arces
Regali pompa praetereundo viam.
(Там их приемлет Нарбон, где, плоские бреги глoday,
Входит безбурный Атакс с кротостью в Родана ток.
Несколько градусов прошед, пиктавских твердынь достигают,
Поприще с царственной пышностью проходя)²⁸.

Возможно, в вымышленных художественных обманках — «безбурный» Атакс (река Од каменистая и бурная), «кроткое» впадение Атакса в Родан (за Нарбонном Од впадает в Средиземное море) и само «слияние» Атакса с Роданом (Рона

28 Фортунат. 2009: 120. Fortunat. Carm. VI. 5, 213–216.

протекает восточнее и впадает в Средиземное море через земли Камарга) автор элегии хотел подчеркнуть лимитационный характер Нарбонна, сигнализируя о своей литературной игре²⁹. Франкский читатель мог бы списать поэтическую путаницу (Родан–Рона вместо Гаронна) на географические ошибки италийского чужеземца³⁰, который направил свадебный караван в бургундское королевство по дорогам вдоль Роны. Но в этих строках проявляется политическое целеполагание — элиминация всех южных владений жениха Хильперика, через главные города которого Тулузу и Бордо протекает Гаронна.

Второй этап свадебного путешествия Галсвинты проходил через земли Пуатье и Тура, которые по разделу 567/8 года перешли под власть австразийского короля Сигиберта, что не помешало Хильпериду сразу захватить эти города. По сообщению Григория Турского (HF. V, 45), как раз в 568 г. короли Сигиберт и Гунтрамн совместными усилиями отвоевали Тур и Пуатье у нейстрийцев³¹. Из строк Фортуната

29 По исследовательскому каталогу литературных реминисценций у Фортуната в строке о слиянии Атакса с Роданом усматривают влияние «Фарсалии» Лукана (v. 214: *mitis Atax Rhodanas molliter intrat aquas*; *Lucain. Phars. I, v. 403: mitis Atax Latias gaudet non ferre carinas*) см.: **Gioanni**. 2012: 938. На мой взгляд, нельзя исключать вариант с первоначальной контаминацией ученым поэтом своих сведений о галльских реках из «Фарсалии», где в соседних строках он прочел о слиянии Исары–Изэра с Роданом–Роной (vv. 399–401) и затем перенес это на «спокойный Атакс» (v. 403) см.: **Лу-кан**. 1951: 18.

30 Я исхожу из того, что произношение в народной латыни и в германских языках того времени *Garonna* и *Rona* могло звучать сходно для иностранца, а Родан был речным названием из литературного языка. Венандий упоминает Гаронну (*Garonna/Garonna*) в первой книге своих сочинений (**Fortunat. Carm. I. 20; 21**).

31 По тексту «Истории франков» это событие не датируется, а является результатом хронологической реконструкции по давней исследовательской традиции. Оценка действий Хильперика после смерти Хариберта см.: **Widdowson**. 2009: 12.

невозможно извлечь никакой информации об этих событиях и о том, как они хронологически соотносились (или нет) с посещением Галсвинтой тем летом двух религиозных центров под святым патронажем Илария и Мартина. Зато автор поведал о своей встрече с королевской колесницей и тонко подчеркнул, что личному общению Галсвинты с королевой-монахиней Радегундой помешали внешние препятствия, по-видимому, из-за прямого запрета нейстрийских дипломатов. Поэтическая витиеватость элегии не позволяет однозначно сказать, где свадебный кортеж переправлялся через Вингенну-Вьенну — по пути из Лиможа (расположенного на Вьенне) в Пуатье или из Пуатье в Тур (стоящий на Лигере-Луаре):

Переправляет их челн чрез быстрые струи Вингенны:
Живо сопутственный сонм вышел из бурной воды.
Мразный, в кристальну волну их Лигер ползущий приемлет,
Где и рыбе не даст тонкий укрыться песок.
Вот достигают туда, где рыбной стремниной Секвана
В море несется, залив с ним Ротомагский связав³².

Финальную точку долгого путешествия вестготской невесты италийский поэт не стал именовать Руаном, а предпочел закончить удвоенным «водяным» иносказанием, называя реку Сену, на которой стоит Руан, и Ротомагский залив (Гавр). Также Фортунат оставил за строками элегии имя руанского митрополита Претекстата (ок. 550–586), который, вне всяких сомнений, проводил церемонию бракосочетания, а до этого не упомянул о турецком митрополите Евфронии (556–573), родственнике и предшественнике Григория Турского.

32 **Фортунат.** 2009: 121 (**Fortunat.** Carm. VI, 5, 231–236: *Vingennae volucer transmittitur alveus alno:// Turba comes rapidis alacris exit aquis. // Excipit inde repens vitrea Liger algidus unda // Quo neque vel piscem levis arena tegit. // Pervenit qua se piscoso Sequana fluctu // In mare fert, juncto Roto-magense sinu*). После Тура следующим городом на пути к Руану мог быть только нейстрийский Ле Ман.

По моему мнению, несмотря на многолетнее дружеское общение и политические взаимосимпатии (сначала при австрийской дворе Сигиберта, затем при нейстрийском — Хильперика и Фредегонды, а после при дворе Хильдеберта и Брунхильды), Григорий Турский (538–594) испытывал к Венанцию Фортунату комплексное чувство литературного соперничества и определенно питал интеллектуальную зависть³³. Так в «Истории франков» (HF. V, 8) он лишь раз упомянул его имя как автора «Жития Германа Парижского»³⁴, умолчав о зачитанном италийским поэтом панегирике Хильперика во время церковного суда над турским епископом (580) и о глубокой озабоченности Фортуната волнениями в монастыре Святого Креста (589–590). По моей гипотезе, турский историк свое повествование о свадебном путешествии принцессы Ригунты превратил в недобрую пародию на стихотворный плач Фортуната по Галсвинте³⁵, заменяя рафинированные литературные

-
- 33 О поэтических амбициях турского понтифика и о тематических и стилистических переключках в сочинениях италийского поэта и меровингского историка-агиографа см.: **Roberts**. 2015: 47–58.
- 34 Всего турский епископ ссылается на работы Фортуната в своих многочисленных трудах семь раз см.: **Reydellet**. 1997: 159. Исследователи традиционно предпочитают рассматривать взаимоотношения двух знаменитых интеллектуалов в дружеской парадигме «поэт и его патрон» см.: **Reydellet**. 1997: 167 (акцент в выводах на социальную динамику – Фортунат из приезжего поэта становится священнослужителем и церковным иерархом, а Григорий со временем проявляет виртуозность в искусстве версификации); **Roberts**. 2015: 39–47, 58–59 (сравнение Венанция с Горацием в связи с дарением поэту от Григория небольшой земельной собственности *agellus* — землицы-усадебки).
- 35 В своем тексте епископ иронически обыграл позаимствованные из элегии Фортуната реальные или поэтически вымышленные образы, эпизоды и детали — фигуры двух матерей-королев (возвышенная в своем горе Гойсвинта и оправдывающаяся за финансовые махинации с приданным Фредегонда), благородный ропот среди расстающихся с родней вестготов из сопровождения Галсвинты и «плач египетский» среди франков, сцена символического прощания двух невест с королевскими столицами и родителями, опасения из-за возможной поломки колеса в колеснице готской

аллюзии и дипломатическую гибкость италийского поэта на социальную сниженность персонажей (слуг и придворной свиты) и выпячивая неприглядные аспекты грабежей.

Первое, что бросается в глаза при текстуальном анализе матримониальной истории, — это исключительная (почти исчерпывающая) информативность турского историка обо всех этапах событий за несколько лет³⁶: от обмена посольствами между Хильпериком и Леовигильдом (HF. VI, 18; 34; 40), паузы в связи со смертью маленького наследника Теодерика и неудачного плана нейстрийского короля заменить невесту (HF. VI, 34: вместо дочери Фредегонды отослать вестготам Базину, свою дочь от первого брака с Аудоверой) до скандального собирания приданого для меровингской невесты и обстоятельств формирования свадебного кортежа, а затем его движения по франкским землям (HF. VI, 45). Особое внимание автор уделит финалу свадебного путешествия и возвращению принцессы (HF. VII, 9–10; 15; 39), эти этапы повествования лишены, на мой взгляд, каких-либо литературных и библейских коннотаций, церковный историк ограничивается изложением фактографии в политическом ключе, учитывая перемены в меровингских королевствах. Личная вовлеченность епископа во франко-вестготскую дипломатию позволяет мне предполагать, что турский митрополит был в какой-

невесты и дурное предзнаменование для Ригунты, литературные названия для дорожной кареты Галсвинты (квадрига и серрака) и бытовые наименования для повозок и телег франков, царственность свадебного готского каравана и уподобление меровингского кортежа библейской саранче.

36 Епископ Григорий прямо или косвенно в разных историях из своего исторического опуса намекал на исключительную личную информированность (ибо он был конфидентом членов меровингской семьи в драматических моментах), но еще более тонко подчеркивал для будущих читателей свое авторское кредо, что информативность оставленного им текста была подвергнута политической и личной цензуре.

то момент одним из официальных переговорщиков по заключению брака с нейстрийской стороны, поэтому в дальнейшем он так пристально следил за всеми перипетиями организационной подготовки и движением свадебного каравана принцессы.

На сложном фоне вестготской политики, когда после бракосочетания с австразийской принцессой Ингундой наследный принц Герменегильд отказался от арианства и восстал против короля-отца (580), Леовигильд вынужденно переориентировался на союз с нейстрийцем Хильпериком³⁷ и начал переговоры о свадьбе с принцессой Ригунтой по достижении ею брачного возраста (ок. 582). Единственным наследником вестготского короля стал младший сын, а потерпевший поражение Герменегильд будет казнен в 585 году, когда в византийском плену умрет и Ингунда. После завершения долгих переговоров о браке с Реккаредом осенью 584 г. свадебный кортеж Ригунты, единственной дочери Хильперика и Фредегонды, неудачно выехал за городские ворота Парижа, — сломалась ось от повозки (*uno carrigae effracto axe*)³⁸.

Этому дурному предзнаменованию предшествовали три предсвадебные истории — политические провокации по

37 Интерпретационное сопоставление союзнических отношений Леовигильда с австразийским двором и с королем Хильпериком см.: **Gehler-Rachůnek**. 2019: 33–35.

38 **HF**. VI, 45. Автор, называя эту повозку (*carriga*), по-видимому, хотел подчеркнуть, что она была не багажной телегой (*plaustra*), а одной из дорожных повозок-карет. Церковный историк описал свадебные обычаи франков, когда король устроил государственный пир и официально передал дочь с ее приданым готской делегации (*...Chilpericus rex... convocatis melioribus Francis reliquisque fidelibus, nuptias celebravit filiae suae. Traditamque legatis Gothorum, magnus ei thesaurus dedit*). А в момент расставания с родителями и родиной невеста со слезами на глазах и поцелуями прощается со всеми, отправляясь в долгое свадебное путешествие (сентябрь-октябрь). Эпизод парижского расставания явно отсылает к прощанию Галсвинты с родным домом у Фортуната.

поводу чрезмерного размера приданого, отправляемого с принцессой к вестготам, и протест австразийского посольства по этому поводу, а также суровое принуждение королем слуг и свиты, которые уезжали вместе с Ригунтой. По-видимому, история меровингской династии³⁹ не знала прецедента со сбором столь большого приданого (специальные налоги на подвластные города, ресурсы из государственной казны, личные средства королевы и свадебные дары от нейстрийской знати⁴⁰), которое на десятках телег⁴¹ повезут в вестготское королевство, где судьба этих сокровищ окажется неопределенной (известны случаи захвата приданого вестготских невест на примерах Хильперика и внука Брунхильды —

39 В «Истории франков» отсутствуют данные по свадебному путешествию и приданому меровингских невест — сестры Хлодвига Аудофледы, выданной за остгота Теодориха, Хлодехильды, дочери Хлодвига, ставшей супругой вестготского короля Амалариха, и дочери Хлотаря Хлодезинты, вступившей в брак с лангобардом Альбоином.

40 Вскользь упомянув о городских налогах, Григорий называет три основных источника приданого — родовые сокровища меровинга Хильперика (подразумеваемая это через своеобразное отрицание), личные накопления Фредегонды и свадебные подарки от знатных и простых франков (**HF. VI, 45:** *Franci vero multa munera obtulerunt, alii aurum, alii argentum, nonnulli equites, plerique vestimenta, et unusquisque ut potuit donativum dedit*). На примерах брачной истории Галсвинты и подготовки Фредегондой большого приданого для дочери делается вывод о возможной концентрации в руках меровингских королей значительных материальных богатств см.: **Dailey. 2015: 110.**

41 Для сравнения можно привести пример с четырьмя повозками, нагруженными вещами (по-видимому, мебелью и предметами обстановки) и одеждой умершего двухлетнего принца Теодериха, которые Фредегонда приказала сжечь (**HF. VI, 35**), а также историю с пятью узлами личных вещей Брунхильды (с золотыми монетами, дорогими вещами и драгоценностями), которые она оставила на хранение руанскому епископу, а затем неоднократно посылала отряды слуг, чтобы вернуть себе эти опечатанные тюки (**HF. V, 18**), каждый из которых был настолько большим и тяжелым, что его могли унести только несколько человек.

Теодериха)⁴². По моей гипотезе, турецкий епископ преувеличил колоссальный размер свадебного приданого невесты (создавая у читателя впечатление, что сокровища занимали все пятьдесят возов обоза⁴³) из двух соображений. Во-первых, чтобы придать обоснованность политической озабоченности Хильдеберта с Брунхильдой, с их требованием не облагать свадебным налогом захваченные Хильпериком австразийские города, а также разоблачить несправедливое деяние нейстрийского короля, которого подозревали (*suspicio vertebatur*) в тайном убийстве одного из неугодных послов. Во-вторых, Григорий Турецкий попытался скрыть византийский след в истории Гундовальда, подменяя главный источник финансирования его узурпации сокровищами из разграбленного каравана Ригунты.

Вопрос о реалистичности данных «Истории франков» по общей численности сопровождающих Ригунту охраны, свиты со слугами (свыше четырех тысяч) и количества возов в обозе (пятьдесят) решается положительно. Автор не распространяется о готской делегации (*Gothorum magna legatio*), возвращающейся с меровингской невестой, но упоминает двух важных нейстрийских придворных Ансовальда и Домигизила, которые прежде были послами-переговорщиками, а теперь руководили свадебным караваном во время путешествия и должны были следить за передачей приданого невесты в Толедо. Герцог Бобо отвечал за охрану сокровищ и безопасность принцессы во время путешествия, а его супруга стала бы

42 Беспочвенное предположение о заглаживании Хильпериком вины перед вестготами за срыв первого раунда матримониальных переговоров и приписывание возможному влиянию австразийских послов внутринестрийское волнение по поводу растраты государственной казны на приданое см.: Dumézil. 2008: 212–213.

43 HF. VI, 45: *Nam tanta fuit multitudo rerum, ut aurum argentumque vel reliqua ornamenta quinquaginta plaustra levarent.*

подружкой невесты на свадьбе⁴⁴. Заявленные более четырех тысяч человек, отъезжающих к вестготам вместе с Ригунтой, вполне коррелируют с сопровождением сестры Теодориха Великого — Амалафриды, которая во втором замужестве стала вандалской королевой Тразамунда (ок. 500)⁴⁵. Существенное различие заключается в количестве вооруженных готов — тысяча знатных телохранителей с пятью тысячами «беспособных» воинов (Proc. BV. I, 8, 12), которые, очевидно, по согласованию с остготским королем, были в действительности союзным воинским контингентом, а не только отрядом телохранителей. И Прокопий не выделил численность придворной свиты и obsługi готской принцессы, поэтому, на мой взгляд, они могли входить в указанное сопровождение из пяти тысяч простых готов⁴⁶. В таком ракурсе восприятия текста византийского историка (Proc. BV. I, 9, 4–5) его объяснение причины заключения под стражу Амалафриды и истребления вандалами всех готов (ок. 525) тем, что они намеревались совершить государственный переворот против нового

-
- 44 **HF.** VI, 45: Erant autem cum ea viri magnifici Bobo dux, filius Mummolini, cum uxore, quasi paranympus, Domigysilus et Ansovaldus, maior domus autem Waddo, qui olim Sanctonicum rexerat comitatum; reliquum vero vulgus super quattuor milia erat. Эту фразу автора «Истории» можно интерпретировать следующим образом, что временные знатные сопровождающие (с их людьми) не были включены в общее количество «свыше четырех тысяч человек», а майордом Ригунты Вадро упомянут по своему статусу среди представителей знати. В следующей книге Григорий добавит имя еще одного, по-видимому, придворного принцессы — domestica Леонарда.
- 45 **Proc.** BV. I, 8, 11–13. Из приданого амальской невесты Прокопий упоминает только важный стратегический порт Лилибей на Сицилии, который остготский король уступил в такой форме своему вандалскому свойственнику.
- 46 При анализе численности остготского сопровождения Амалафриды (тысяча знатных и пять тысяч простых готов) исследователи всегда рассматривают (следуя словам Прокопия) их как вооруженных воинов, полагая количество (шесть тысяч) преувеличенным по разным причинам см.: **Cristini.** 2017.

вандальского короля Хильдериха, союзника Юстиниана, выглядит достаточно правдоподобным.

Из предсвадебной подготовки к путешествию турский историк выделил и художественно уподобил траурному плачу Фортуната по умершей вестготской принцессе свои литературные ламентации от лица франкских придворных и челяди, которых король Хильперик насильно отправлял сопровождать Ригунту в ее будущей жизни в вестготском королевстве. Жесткость нейстрийского правителя не ограничивалась лишь господским принуждением зависимых слуг из его поместий (*familias multas de domibus fiscalibus*), часть из которых была даже заключена им в темницу для острастки (*multus quoque flentes et nolentes abire in custodia retrudi iussit*). Автор нагнетает траурное настроение и описывает состояние поистине эпического страдания:

Говорят, что многие, боясь разлуки с родителями, удавились от такого горя (*multos sibi ob hanc amaritudinem vitam laqueo extorsisse*): ведь сына разлучали с отцом, мать — с дочерью, и они отъезжали с горьким плачем и проклятиями; плач в Париже стоял такой, что его можно было сравнить с плачем египетским. Многие же люди более знатные (*multi meliores natu*), которых силою заставляли ехать, оставили завещания и, отдав свое имущество церквам, попросили вскрыть эти завещания тотчас по прибытии невесты в Испанию, — как если бы они уже были в могиле⁴⁷.

Кортеж принцессы с огромным приданым на пятидесяти повозках (перечисляются золото, серебро, украшения, лошади и одежды — собранные Хильпериком и Фредегондой, а также подаренные франками) в сопровождении готского посольства и королевских советников, собственной свиты и слуг двинулся к южной границе под охраной франкского войска во главе с герцогом, опасаясь возможной провокации

47 НФ. VI, 45.

(*aliquas insidias*) со стороны меровингской родни. Конечная численность кортежа составляла свыше четырех тысяч человек, а до Пуатье в делегацию входило еще большее количество королевских служителей и герцогов (*duces et samararii*). Подобная репрезентация богатства и власти потрясала воображение современников, но автор акцентирует внимание на страданиях населения тех мест, где проходил свадебный обоз:

...Они грабили хижины бедняков, опустошали виноградники, даже лозы с гроздьями ломали и уносили, отнимали скот и все, что могли найти, не оставляя ничего на своем пути⁴⁸.

Такое разграбление путешествующими всего, чего только можно, объяснялось реалиями того времени, когда Хильперик переложил материальное обеспечение быта свадебного каравана на бюджеты городов по маршруту движения (*in itinere*).

Можно предполагать, что Григорий Турский осознанно гиперболизирует ряд деталей (при выезде из Парижа такого количества колесного транспорта обязательно произошла бы техническая поломка или авария), по политическим соображениям он преувеличивает размер сокровищ (*magnus thesaurus*), пересказывает слухи и сплетни, многое умалчивает и комкает повествование на финальном этапе истории. Описывая первую же остановку парадной процессии за стенами столицы, автор позволяет себе полностью десакрализировать в своем нарративе матримониальные ожидания, смакуя подробности воровства и хищений:

48 Ibidem. В этом всепожирающем шествии людской «саранчи» можно увидеть несомненную отсылку (красиво поданную в возвратной форме) к описанию вестготских неурожаев из-за нашествия саранчи в окрестностях Толедо (HF. VI, 33; 44).

А ночью поднялись пятьдесят человек и, взяв самых лучших лошадей столько же золотых уздечек и две большие золотые цепи, убежали к королю Хильдеберту. И на протяжении всего пути каждый, кто мог, убегал и уносил с собою все, что удавалось взять⁴⁹.

Драматический перелом в истории свадебного путешествия произошел в Тулузе, когда туда дошли вести о смерти Хильперика (в конце октября — начале ноября). Очевидно, что готские и франкские дипломаты поспешили к своим правителям для дальнейших консультаций. Но Григорий, затушевывая эти политические обстоятельства, выдвигает другие объяснения:

Да и окружающие ее люди говорили ей [Ригунте], что здесь следует задержаться, так как они-де сами устали от дороги, одежда у них грязная, обувь порвана и даже украшения на лошадях и повозках, на которых они до сего времени передвигались, пришли в негодность: лучше все это сперва привести в порядок, а там уж отправиться в путь, чтобы предстать перед женихом во всем блеске и не являться оборванцами на посмешище готам⁵⁰.

Охрана двора Ригунты и обоза с приданным, по-видимому, была деморализована убийством короля, что позволило герцогу Дезидерию напасть на город, захватить караван с приданным, а принцессу поместить под домашний арест, выставив стражу и оставив скудные средства для пропитания девушки, пока сам Дезидерий не возвратится (*deputans reginae victum artum, donec ad urbem regrederetur*). Описываемые обстоятельства столь шокирующие, что читатель не сразу понимает,

49 HF. VI, 45.

50 HF. VII, 9: Et cernens se iam ad terminum Gothorum esse propinquam, moras innectire coepit, dicentibus sibi tum praeterea suis, oportere eam ibidem commorari, cum ipsi fatigati de itinere vestimenta haberent inculta, calciamenta scissa, ipsosque equorum adque carrucarum apparatus adhuc, sicut plaustris evecti erant, seorsum esse disiunctos. Oportere potius omnia haec prius diligenter stabilire et sic in itinere proficisci ac suscepi cum omni elegantia ab sponso, ne forte, si inculti inter Gothos apparerent, inriderentur ab ipsis.

что автор многое не договаривает (полностью умалчивая о действиях городского графа и о роли в этой истории тулузского епископа Магнульфа, отличавшегося личной и политической смелостью) в рассказе о грабительской аванюре нейстрийского герцога, ссылаясь лишь на смелость его людей (*collectis secum viris fortissimis*). Из дальнейших событий станет известно, что и майордом Ваддо похитил часть сокровищ Ригунты и примкнул вместе с Дезидерием к узурпатору Гундовальду.

Таким образом, заключительный этап матримониальных злоключений Ригунты (*causas contumiliae iniuriasque; vidi humilitatem eius*) под пером Григория Турского окончательно превратил ее свадебное путешествие в дорогу позора, по сравнению с полным достоинства шествием готского каравана Галсвинты по франкским городам в художественном описании и по личному воспоминанию Венанция Фортуната. В декабре Ригунта нашла для себя убежище в тулузской церкви Святой Девы Марии (HF. VII, 10), очевидно, ее отпустили люди Дезидерия, опасаясь последствий инцидента с оскорблением меровингской принцессы. Королева Фредегонда, узнав о случившемся с дочерью, пришла в неистовую ярость, на публике в церкви унижительно раздев вестника Леонарда, и приказала наказать всех вернувшихся беглецов из Тулузы, их избивали и увечили (HF. VII, 15). А за Ригунтой она послала верного ей придворного Хуппу с войском⁵¹. В

51 Э. Дейли с доверием относится к записанным у Григория слухам о том, что главной задачей посланного королевой отряда в Тулузу за дочерью было оказание помощи поверженному узурпатору Гундовальду, с целью доставить его к нейстрийскому двору (HF. VII, 39). А также на основании слов турского епископа делается вывод, что Фредегону больше волновали политические последствия разграбления каравана Ригунты (потеря больших сокровищ и статусное унижение достоинства королевы-матери), чем

заключительных словах истории о свадебном путешествии дочери Хильперика турецкий автор не смог удержаться от политического злорадства и написал (HF. VII, 39): «...Он привел ее оттуда с собой, не без великого унижения и поругания» (*non sine grande humilitate adque contumilia*).

В брачной истории нейстрийской принцессы, насыщенной значимыми событиями из внешней и внутренней политики меровингских королевств, заметно украсило и оживило авторское повествование выражение личного отношения Григория Турского к невесте. И это отношение четко не артикулировано, а размыто в полутонах, что объясняется, на мой взгляд, как тем, что автор описывал те события спустя много лет (колеблясь в общих оценках), так и амбивалентным восприятием Ригунты как дочери венценосных родителей, что выражалось на лексическом уровне (*filia, puella, Chilperici regis filia, regina, filia sua*). Проявление личного внимания юной принцессы к Григорию Турскому во времена церковного суда над ним (580)⁵² было социально значимо, но, по моему мнению, в действительности являлось жестом скрытой поддержки от королевской четы. Позднее поведение Ригунты в связи с ее внебрачными скандалами “*adulteria*” (которые могли быть лишь слухами, как в случае с Амаласунтой) и словесными баталиями с матерью-вдовой, переходящими в рукоприкладство, несомненно, осуждалось автором. В известном эпизоде, когда Фредегонда чуть не удушила дочь крышкой от сундука с сокровищами (HF. IX, 34), Ригунта выглядит страдательной фигурой (как и по итогам свадебного путешествия), вызывая сочувствие у читателей.

подлинная забота о безопасности дочери в столь сложной ситуации см.: Dailey. 2015: 131–132.

52 HF. V, 49: *quod Riginthis regina, condolens doloribus meis, ieiunium cum omni domo sua celebravit.*

Хотя тонкая насмешка над матримониальным псевдо-триумфом Хильперика и Фредегонды рикошетом задевала униженную невесту, однако, политической мишенью авторского сарказма становилась мать девушки, сначала поразившая современников размером собранного приданого, а затем расправой над беглыми поварами и пекарями, и сам король, который планировал стать тестем вестготского правителя. Важную роль играет композиция нарратива, так как турецкий историк хронологически заканчивает шестую книгу главой об убийстве Хильперика с проклятием памяти этого «Ирода и Нерона» своего времени, ставя точку в свадебном путешествии Ригунты и расстраивая ее надежду на замужество. Почему на волне политического и личного развенчания Хильперика автор «Истории франков» не стал вербально проводить очевидной аналогии между убийством меровингом вестготской принцессы и свадебным фиаско его собственной дочери, что можно было бы нравоучительно и остроумно обыграть как справедливое воздаяние за грехи отцов? По моей версии, искушенные и знающие современники (как и сам Григорий Турский) осознавали, что судьба иностранных невест и королев, чья мужская родня теряла политический авторитет или расставалась с жизнью, была весьма незавидна. А для Ригунты напрашивалось ближайшее сравнение с судьбой австразийской кузины Ингунды, которую при вестготском дворе избивала родная бабка Гойсвинта за отказ перейти в арианство, в итоге она (а затем ее сын) скончалась в византийском плену. Нетрудно представить, как неистовая вестготская королева отнеслась бы к молодой супруге принца Реккареда, родителями которой были Хильперик с Фредегондой, убийцы ее дочери Галсвинты.

* * *

Текстуальный анализ нарративов Венанция Фортуната и Григория Турского с описанием свадебных королевских путешествий, осуществленных двумя принцессами с временным промежутком в пятнадцать лет, позволяет в выводах оценивать эти безусловные шедевры траурной поэзии и политической прозы как далеко выходящие за дипломатические рамки исторической репрезентации важных протокольных событий во франко-вестготских отношениях. В отличие от традиции романно-художественного восприятия во франкской историографии свадебного путешествия-бегства бургундской принцессы Хродехильды к Хлодвигу поэтическое описание Фортуната и прозаическое повествование Григория Турского претендуют — в первую очередь — на достоверность авторских свидетельств как очевидцев событий. Для италийского поэта профессиональный интерес представлял мир душевных переживаний (в жанрово идеализированной форме) всех действующих персонажей истории, а намеки и редкие упоминания о бытовых реалиях путешествия вестготки Галсвинты из Толедо в Руан стали элегантными украшениями стихотворных строк. Материальная сторона матримониальной подготовки и самого свадебного путешествия стали, по сути, основным содержанием всей истории о путешествии дочери Хильперика из Парижа в Толедо в «Истории франков». Турский историк использовал интересный прием — *отсутствие* Ригунты в большей части свадебной истории (сборы приданого, скандал с австразийским посольством, силовое принуждение слуг и свиты к сопровождению меровингской принцессы и последующей жизни при вестготском дворе, преувеличенная история расхищения сокровищ из приданого и грабительского пути самого каравана по землям Хильперика) и *появление* принцессы в момент отбытия из Парижа и в драматических обстоятельствах

ее ареста и финального разграбления всего свадебного обоза в Тулузе. Эта авторская особенность нарратива интерпретируется мною как проявление личной благожелательности турского епископа к Ригунте, пытавшегося в этом эпизоде всей истории не ассоциировать юную девушку с неприглядными политическими реалиями вокруг нее. Для него нейстрийская принцесса по итогам ее несостоявшегося замужества стала трагической фигурой, оставленной придворной свитой на публичное поругание в одиночестве.

По моей гипотезе, оригинальная репрезентация франкского маршрута Галсвинты у Венанция Фортуната стала его авторским вызовом в трансформации художественных традиций итинерариума путем шифрования реперных точек сухопутного маршрута и заменой их на речную сетку координат. С большей степенью вероятности можно говорить о том, что дипломатические интенции австразийского заказа подтолкнули италийского поэта к созданию сложно устроенной смысловой «матрешки», в которой одновременно скрывалась, шифровалась и выпячивалась роль речных переправ во время свадебного путешествия. По результатам исследовательского анализа я склоняюсь к версии о том, что иносказательная отсылка к пяти городам из супружеского приданого и утреннего дара Галсвинты (которые стали возможной причиной убийства готской принцессы) через перечисление пяти рек имела для целеполагания Фортуната большее значение, чем литературная аллюзия на лиминарные функции пяти подземных рек из «Похищения Прозерпины» Клавдия Клавдиана. Решающим аргументом в такой интерпретации становится сделанный поэтом акцент на вымышленном слиянии Атакса и Родана близ Нарбонна, что не являлось случайной географической ошибкой, но рассматривается как интеллектуальный зачин в политической игре, в демонстративном

забвении имени Хильперика и упоминаний о его владениях. Второй особенностью описания маршрута королевской невесты по франкским землям стало то, что поэт-профессионал придал особую значимость (на фоне посещения Пуатье и Тура) собственной встрече с каретой Галсвинты и, возможно, своему личному участию в передаче писем Радегунды для вестготской принцессы.

Турский епископ поступает наоборот, он, по моему мнению, пытается скрыть свою роль в матримониальной дипломатии Хильперика. Автор «Истории франков» не стал вслед за Венанцием затенять и запутывать путь нейстрийского кортежа, он практически умолчал о свадебном маршруте Ригунты, который пролегал через земли и города ее отца (упоминаются лишь Пуатье и Тулуза) и, без сомнения, проходил через Тур, где местный церковный глава должен был встречать и благословлять меровингскую невесту. Такая установка на политическое замалчивание собственной роли в этой истории связана с забвением турским епископом своих прежних отношений с убитым королем Хильпериком. Поэтому сопоставление двух авторских позиций было интересно и во временном ракурсе — Фортунат сочинял по «горячим следам» королевского преступления, а Григорий выдержал некую паузу и многое переосмыслил за прошедшие годы.

В нарративе Григория Турского можно увидеть дублирование авторской стратегии по утаиванию важной политической информации о двух матримониальных эпизодах. Турский историк, склонный к собиранию сплетен и слухов и высказыванию в некоторых случаях собственных оценок и домыслов по тайной стороне событий, оставил без комментариев и объяснений причины столь чрезмерных договорных обязательств по приданому Галсвинты от меровингского супруга (о передаче ей пяти франкских городов). Аналогичным

образом церковный автор не прояснил, зачем собиралось родителями такое большое приданое для Ригунты⁵³. Описания двух свадебных путешествий королевских невест по текстам Венанция Фортуната и Григория Турского продемонстрировали странный инвариант событий для неудачных браков в двух поколениях вестготской и меровингской династий. Из двух отправленных во франкские королевства готских невест старшая сестра была убита по приказу нейстрийского супруга, а дочь австразийской королевской пары Брунхильды и Сигиберта, которую выдали замуж за наследника вестготского престола, став жертвой издевательств со стороны бабки-королевы, умерла у византийцев при невыясненных обстоятельствах. Франкские читатели, которые ознакомились с «Историей франков» лишь после смерти автора, могли прийти к простому выводу, что позорный финал свадебного путешествия Ригунты сохранил для дочери Хильперика жизнь.

53 В данном случае сделать завуалированный намек на испытываемую зависть Фредегонды и Хильперика к браку Ингунды с Герменегильдом (по аналогии с авторской оценкой причин заключения брака Хильперика и Галсвинты) турецкий епископ не мог из-за драматических событий неудачного восстания вестготского наследника против отца и придворных страданий самой Ингунды.

Список источников и литературы

Вергилий. 1933 — Вергилий. Энеида / Пер. В. Брюсова, С. Соловьева. М.-Л.: Academia, 1933.

Григорий Турский. 1987 — Григорий Турский. История франков / Пер., прим. В.Д. Савуковой. М.: Наука, 1987.

Клавдиан. 2008 — Клавдий Клавдиан. Похищение Прозерпины // Клавдий Клавдиан. Полное собрание латинских сочинений / Пер., прим. Р.Л. Шмараква. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2008. С. 45–74.

Лукан. 1951 — Марк Анней Лукан. Фарсалия, или поэма о гражданской войне / Пер. Л.Е. Остроумова, комм. Ф.А. Петровского. М.-Л.: Наука, 1951.

Сазонова. 2023 — Сазонова А.А. Политическая диффамация и публичное насилие при мерovingском дворе в последней трети VI в. // Цивилизация и варварство: физическое и вербальное варварство (коллективная монография) / Глав. ред. В.П. Буданова. М., 2023. Вып. XII. С. 195–226.

Фортунат. 2009 — Фортунат Венанций. Избранные стихотворения / Пер., прим. Р.Л. Шмараква. М.: Водолей, 2009.

<Фредегар>. 2015 — <Фредегар>. Хроники Фредегара / Пер., прим. Г.А. Шмидта. СПб.: Евразия, М.: ИД Клио, 2015.

Cândido Da Silva. 2001 — Cândido Da Silva M. Les cités et l'organisation politique de l'espace en Gaule mérovingienne au VIe siècle // Histoire urbaine. 2001. Vol. 2. № 4. P. 83–104.

Claudian. Rapt. — Claudian. Rape of Proserpine [De raptu Proserpinae] // Claudian. Works / Ed., trans. M. Platnauer. Cambridge (Mass.): L.: Harvard University Press, 1922. T. II. P. 292–377.

Cristini. 2017 — Cristini M. Il seguito ostrogoto di Amalafriada: confutazione di Procopio, Bellum Vandalicum I, 8, 12 // Klio. 2017. Vol. 99. №1. P. 278–289.

Dailey. 2015 — Dailey E.Th. Queens, Consorts, Concubines: Gregory of Tours and Women of the Merovingian Elite. Leiden-Boston: Brill Academic Publishers, 2015.

Dumézil. 2008 — Dumézil B. La reine Brunehaut. P.: Librairie Arthème Fayard, 2008.

Fortunat. Carm. — Venance Fortunat. Poèmes (Livres V–VIII) / Ed., trad. M. Reydellet. T. II. P.: Les Belles Lettres, 2003.

Fredegar. Chron. — Fredegarii et aliorum Chronica. Vitae sanctorum / Hrsg. B. Krusch // MGH SRM II. Hannoverae: Impensi Bibliopolii Hahniani, 1888.

Gehler-Rachunek. 2019 — Gehler-Rachunek A. East and West from a Visigothic Perspective: How and Why Were Frankish Brides Negotiated in the Late Sixth Century? // The Merovingian kingdoms and the Mediterranean world: revisiting the sources / Eds. St. Esders, Y. Hen, P. Lucas, T. Rotman. L.-NY: Bloomsbury Academic, 2019. P. 31–39.

Gioanni. 2012 — Gioanni St. La culture profane des dictateurs chrétiens dans les chancelleries franques: l'éloge sur Galesvinthe de Venance Fortunat (Carmen VI, 5) // Latin vulgaire — latin tardif IX. Actes du IXe colloque international sur le latin vulgaire et tardif, Lyon 2–6 septembre 2009. Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 2012. P. 933–945.

HF — Gregorii episcopi Turonensis. Historiarum Francorum libri X / Hrsg. B. Krusch, W. Levison // MGH SRM I.1. Hannoverae: Impensi Bibliopolii Hahniani, 1951

LHF — <Anonymus>. Liber historiae Francorum / Hrsg. B. Krusch // MGH SRM II. Hannoverae: Impensi Bibliopolii Hahniani, 1888. P. 215–328.

Portbarré-Viard. 2017 — Portbarré-Viard G.H. de la. La thématique du voyage et la figure du poète-voyageur dans l'œuvre de Venance Fortunat: entre rhétorique, poétique et construction de soi // Antiquité Tardive. 2017. Vol. 24. P. 219–230.

Procopius. BV — Procopius. History of the wars (Books III–IV: De bello Vandalico) / Ed., trans. H.B. Dewing. Vol. II. L.: William Heinemann, N.Y.: G.P. Putnam's Sons, 1916.

Reydellet. 1997 — Reydellet M. Tours et Poitiers: les relations entre Grégoire de Tours et Fortunat // Grégoire de Tours et l'espace gaulois. Actes du congrès international (Tours, 3–5 novembre 1994) / Eds. N. Gauthier, H. Galinié. Tours: Fédération pour l'édition de la Revue archéologique du Centre de la France, 1997. P. 159–167.

Roberts. 2015 — Roberts M. Venantius Fortunatus and Gregory of Tours: Poetry and Patronage // A Companion to Gregory of Tours / Ed. A.C. Murray. Boston: Brill, 2015. P. 35–59.

Roberts. 2017 — Roberts M. Venantius Fortunatus' Elegy on the Death of Galswintha (*Carm.* 6.5) // Society and Culture in Late Antique

Gaul: Revisiting the Sources / Eds. R. Mathisen, D. Shanzer. L.-NY.: Routledge, 2017. P. 298–312.

Santinelli-Foltz. 2019 — Santinelli-Foltz E. Quitter les siens. Mariage, migration et genre au haut Moyen Âge // *Clio. Femmes, Genre, Histoire*. 2019. Vol. 50. №2. P. 249–273.

Verg. Aen. — Publius Vergilius Maro. *Aeneis* / Rec. G.B. Conte. B.: Walter de Gruyter, 2009.

Wemple. 1981 — Wemple S.F. *Women in Frankish Society, Marriage and the Cloister, 500 to 900*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981.

Widdowson. 2009 — Widdowson M. Merovingian Partitions: a 'Genealogical Charter'? // *Early Medieval Europe*. 2009. Vol. 17. №1. P. 1–22.

REFERENCES

Cândido Da Silva, Marcelo. "Les cités et l'organisation politique de l'espace en Gaule mérovingienne au VIe siècle." *Histoire urbaine* 2, no. 4 (2001): 83–104. (In French)

Cristini, Marco. "Il seguito ostrogoto di Amalafrida: confutazione di Procopio, *Bellum Vandalicum* I, 8, 12." *Klio* 99, no. 1 (2017): 278–289. (In Italian)

Dailey, Erin Thomas. *Queens, Consorts, Concubines: Gregory of Tours and Women of the Merovingian Elite*. Leiden-Boston: Brill Academic Publishers, 2015.

Dumézil, Bruno. *La reine Brunehaut*. Paris: Librairie Arthème Fayard, 2008. (In French)

Gehler-Rachůnek, Anna. "East and West from a Visigothic Perspective: How and Why Were Frankish Brides Negotiated in the Late Sixth Century?" In *The Merovingian kingdoms and the Mediterranean world: revisiting the sources*, edited by Stefan Esders, Yitzhak Hen, Pia Lucas and Tamar Rotman, 31–39. London-New York: Bloomsbury Academic, 2019.

Gioanni, Stéphane. "La culture profane des dictatores chrétiens dans les chancelleries franques: l'élégie sur Galesvinthe de Venance Fortunat (*Carmen* VI, 5)". In *Latin vulgaire – latin tardif IX. Actes du IXe colloque international sur le latin vulgaire et tardif, Lyon 2–6 septembre 2009*, 933–945. Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 2012. (In French)

Portbarré-Viard de la, Gaëlle Herbert. "La thématique du voyage et la figure du poète-voyageur dans l'œuvre de Venance Fortunat: entre

rhétorique, poétique et construction de soi.” *Antiquité Tardive* 24 (2017): 219–230. (In French)

Reydellet, Marc. “Tours et Poitiers: les relations entre Grégoire de Tours et Fortunat”. In *Grégoire de Tours et l’espace gaulois. Actes du congrès international (Tours, 3–5 novembre 1994)*, edited by Nancy Gauthier and Henri Galinié, 159–167. Tours: Fédération pour l’édition de la Revue archéologique du Centre de la France, 1997. (In French)

Roberts, Michael. “Venantius Fortunatus and Gregory of Tours: Poetry and Patronage”. In *A Companion to Gregory of Tours*, edited by Alexander C. Murray, 35–59. Boston: Brill, 2015.

Roberts, Michael. “Venantius Fortunatus’ Elogy on the Death of Galswintha (*Carm.* 6.5)”. In *Society and Culture in Late Antique Gaul: Revisiting the Sources*, edited by R. Mathisen and Danuta Shanzer, 298–312. London-New York: Routledge, 2017.

Santinelli-Foltz, Emmanuelle. “Quitter les siens. Mariage, migration et genre au haut Moyen Âge” *Clio. Femmes, Genre, Histoire* 50, no. 2 (2019): 249–273. (In French)

Sazonova, Anna. “Political Defamation and Public Violence at the Merovingian Court in the Last Third of the 6th Century.” *Civilization and barbarity: Physical and Verbal Barbarity*. (Collective monograph) XII (2023): 195–226. (In Russian)

Wemple, Suzanne Fonay. *Women in Frankish Society, Marriage and the Cloister, 500 to 900*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981.

Widdowson, Marc. “Merovingian Partitions: a ‘Genealogical Charter’?” *Early Medieval Europe* 17, no. 1 (2009): 1–22.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Aen. — Aeneis

BV — De bello Vandalico

Carm. — Carminum.

Chron. — Fredegarii et aliorum Chronica. Vitae sanctorum

HF — Historiarum Francorum

LHF — Liber historiae Francorum

MGH SRM — Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum rerum Merovingicarum.

Rapt. — De raptu Proserpinae